

811-01
80-8

Послещи
Дѣха Твое
го, и сози
ждѣтся, и
обновиши
лицѣ земли.
Пѣ: рг. а.

ДУШЕПОРАЗНОЕ

ЧТЕНІЕ

Не ѡхлѣбѣ ели
номъ живѣ
бѣдѣ чело
вѣкъ, но ѡ
всѣхъ мѣ
гѣхъ, исхода
щемъ изъ оуб
бѣхъ. Мѣдѣ

годъ сорокъ четвертый.

1903.

сентябрь.

изданіе журнала

ДУШЕПОРАЗНОЕ ЧТЕНІЕ

будетъ продолжаться въ
1904 году на прежнихъ
основаніяхъ.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

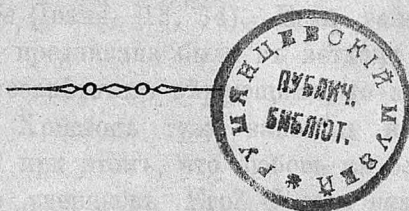
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

1903.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1903.

МИРОСОЗЕРЦАНІЕ И ГЕРОИ МАКСИМА ГОРЬКАГО

ПРЕДЪ СУДОМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ЧИТАТЕЛЯ ¹⁾.

Едва ли не самый популярный писатель въ Россіи и одинъ изъ наиболѣе популярныхъ за границей — въ настоящее время Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, пишущій подъ псевдонимомъ Максима Горькаго. Не только Антонъ Чеховъ, этотъ весьма недавній кумиръ русской читающей публики, но даже Левъ Толстой — въ послѣднее время остаются какъ-то въ тѣни за заслонившимъ собою почти весь читательскій горизонтъ Максимомъ Горькимъ. У насъ въ Россіи въ настоящее время произведенія Горькаго и его личность служатъ — и не только въ интеллигентныхъ слояхъ общества — предметомъ напряженного интереса, восторженныхъ похвалъ, толковъ, изученія, комментирования; каждое новое его произведеніе встрѣчается какъ литературное событіе; успѣха, какой выпалъ на долю его послѣдняго произведенія — «На днѣ», удостоивались лишь весьма немногія русскія драматическія произведенія. За границей же (Горькій переводится почти на всѣ европейскіе языки, — иногда даже сразу въ нѣсколькихъ переводахъ, — равно весьма извѣстенъ и въ Америкѣ и Японіи) его уже провозгласили гениемъ, властителемъ душъ, социальнымъ пророкомъ и т. п. и всю русскую литературу

¹⁾ Публичное богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ Епархіальнаго дома въ Москвѣ 17 марта 1903 года.

сводить почти къ нему одному; его именемъ названо образовавшееся недавно въ Германіи общество для изученія русской литературы; а пишется о немъ тамъ едва ли даже не больше, чѣмъ въ Россіи.

Всякое не совсѣмъ обыкновенное явленіе вызываетъ естественный вопросъ о причинахъ его. И въ данномъ случаѣ такой вопросъ напрашивается самъ собою. Но такъ какъ изслѣдованіе причинъ необычайной и такъ внезапно возникшей популярности Горькаго не входитъ въ нашу задачу, то мы скажемъ лишь вообще, что причинъ этихъ много и что къ нимъ нужно отнести, помимо несомнѣнной талантливости Горькаго, всеобщую, у насъ начавшуюся въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, демократизацію литературы, а въ послѣднее время, подѣ влияніемъ отчасти марксистскихъ идей, и усиленный интересъ къ тому классу общества, который почти исключительно воспѣваетъ Горькій; значительную, хотя далеко не совершенную, новизну предмета; широту фантазіи, смѣлость замысла, парадоксальность взглядовъ, оригинальность приѣмовъ и остроту поставленныхъ вопросовъ, въ связи съ необычностью и исключительностью жизненной судьбы самого автора. Съ поразительною смѣlostью развернулъ Горькій предъ удивленнымъ обществомъ картину жизни и понятій класса, живущаго на днѣ социальнаго зданія и въ большей своей части считающагося подонками общества, и бросилъ прямо въ лицо этому обществу упрекъ въ лживости основъ, которыми оно живетъ и которыя способствовали созданію этого класса.

Необычайная популярность Горькаго, парадоксальность его взглядовъ и сужденій и то широкое сочувствіе, какое встрѣчаетъ проповѣдуемая имъ теорія переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, — встрѣчаетъ всюду и не только въ интеллигентныхъ кружкахъ, — невольно и неизбѣжно ставятъ предъ мыслящимъ и не чуждающимся литературы православнымъ христіаниномъ вопросъ: какъ онъ долженъ относиться къ

сочиненіямъ Горькаго, насколько вѣрно изображаетъ этотъ послѣдній народную душу, въ какомъ отношеніи къ исконнымъ завѣтамъ православнаго русскаго народа стоятъ и міросозерцаніе Горькаго и идеалы его героевъ, и какъ разобратся въ той путаницѣ взглядовъ и понятій, какая вносится ими въ жизнь? Наше чтеніе есть посильная попытка отвѣтить на эти вопросы.

Какъ извѣстно и какъ нами выше замѣчено, Горькій въ своихъ произведеніяхъ изображаетъ по преимуществу среду подонковъ общества, такъ называемыхъ босяковъ или, какъ онъ самъ ихъ называетъ, «бывшихъ людей», т.-е. безсемейный, почти бездомный и преимущественно неинтеллигентный городской пролетаріатъ и различнаго рода бродягъ. Всѣхъ же классовъ общества, не исключая и крестьянъ, стоящихъ хоть сколько-нибудь выше босяковъ, онъ касается по большей части лишь мимоходомъ и вообще не любитъ о нихъ говорить, только купечество и мѣщанство изображаетъ нѣсколько подробнѣе. Какую же картину нравственнаго состоянія русскаго общества и народа даютъ намъ сочиненія Горькаго?

Картина русскаго общества и народа, рисуемая Горькимъ, — не только печальна, но даже прямо безотраднa. «Читая Горькаго, — говоритъ Вогуэ, — подумаешь, что Россія представляетъ собою только громадный кабакъ, въ мрачномъ подвалѣ, воняющемъ потомъ, саломъ, керосиномъ, гдѣ бродяги въ лохмотьяхъ появляются, вздыхаютъ, ругаются, бросаютъ другъ другу въ лицо свои истины и тонуть въ океанѣ воды»¹⁾. Необходимо, впрочемъ, сдѣлать слѣдующую оговорку. Самъ Горькій совершенно иначе относится къ разнымъ типамъ своихъ героевъ: иначе къ босякамъ и иначе ко всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ сколько бы то ни было выше ихъ. Что касается первыхъ, то хотя онъ и не скрываетъ ихъ порочности, — онъ относится и

¹⁾ Вогуэ. Максимъ Горькій какъ писатель и человекъ. Издан. 2-е Ефимова. М., 1902. Стр. 45.

къ ней и къ нимъ самимъ всѣмъ вообще какъ-то особенно, очень мягко и снисходительно, и каждую строкою своихъ писаній старается показать, что если есть среди нихъ и дурные люди, то въ этомъ виноваты во всякомъ случаѣ не они, а люди стоящіе выше ихъ;—старается показать, какъ выразился недавно одинъ изъ біографовъ Горькаго, — «какъ прекрасенъ человѣкъ даже на днѣ своего паденія»¹⁾. «Дно и подонки жизни позналъ онъ,—говоритъ о Горькомъ тотъ же его біографъ, — не заглянулъ туда, а проникъ въ самую глубину, пережилъ всѣ ея тревоженія и тамъ, въ этой ямѣ, среди грязи, нашелъ своихъ «героевъ»,—пустъ оборванныхъ, пустъ выброшенныхъ изъ общества, но все же людей, съ богатыми и разнообразными мыслями, съ богатыми и разнообразными настроеніями». Онъ тщательно отмѣчаетъ всякій хорошій поступокъ босяка и вообще, по его изображенію, босяки тѣ же люди, не только не хуже и не глупѣе, но даже зачастую во многомъ лучше и умнѣе «господъ жизни», какъ выражается Аристидъ Кувалда, т.-е. людей общества. Даже (любопытная подробность) босяки Горькаго очень нравятся женщинамъ,—не уличнымъ женщинамъ, а женщинамъ изъ общества, и одерживаютъ надъ ними немалочисленныя побѣды, хотя самъ Горькій скептически относится къ такимъ рассказамъ босяковъ.

Совсѣмъ и даже безусловно иначе относится Горькій ко всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ сколько бы то ни было выше босяка,—«жрецамъ жизни», — какъ онъ выражается—не только къ мѣщанству и купечеству, которыхъ онъ особенно не любитъ, и не только къ интеллигенціи, но даже къ крестьянамъ. Во всѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ своихъ рассказахъ, гдѣ онъ выводитъ, да и то преимущественно мимоходомъ, интеллигентовъ, онъ изображаетъ крайнюю пошлость, лицемеріе и безсиліе интеллигенціи и ея представителей, напр., доцента Полканова въ

¹⁾ Журналъ для всѣхъ, 1902 г. февраль, стр. 132.

разсказъ «Варенька Олесова», члена суда Громова и его гостей въ повѣсти «Трое», героевъ очерка «Мужикъ» и др. «Нѣтъ еще такой болячки, которую нельзя было бы найти въ сложномъ и спутанномъ психическомъ организмѣ, именномъ «интеллигентѣ»,—говорить Горькій въ разсказѣ «Коноваловъ». И притомъ «культурный человекъ города несравненно хуже культурнаго человека деревни». Даже между бродягами интеллигентные люди, по взгляду нашего автора, худшіе люди. «Ихъ много среди бродягъ,—говорить онъ въ разсказѣ «Проходимецъ»,—но всѣ они мертвые люди, потерявшіе всякое уваженіе къ себѣ, лишенные способности къ самооцѣнкѣ, и всѣ они живутъ лишь тѣмъ, что съ каждымъ днемъ своей жизни падаютъ все ниже въ грязь и гадость (подтвержденіемъ всѣхъ этихъ сужденій и служитъ разсказъ); потомъ они растворяются въ ней и исчезаютъ изъ нея». Изъ трехъ бродягъ, выведенныхъ въ разсказѣ «Въ степи», худшимъ и вполне разбойникомъ оказывается называвшій себя студентомъ университета. Но настоящій приговоръ интеллигенціи произноситъ въ «Өомѣ Гордѣевѣ» журналистъ Ежовъ. «Я бы собралъ,—кричитъ онъ,—остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи нашей интеллигенціи!.. Я бъ имъ сказалъ: букашки! вы, лучший сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей, о, гниды! Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что вы дѣлаете для нея! Превратили ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Чтѣ дѣлаете? Позволили издѣваться надъ собой... Я сказалъ бы имъ: вы! Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы малоумны и совершенно безсильны и—трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька. Окунувъ перстъ въ кровь сердца моего, я бы намазалъ на ихъ лбахъ клейма моихъ упрековъ, и они, нищіе духомъ, несчастные въ своемъ самодовольствѣ, страдали бы...

о, ужъ тогда они страдали бы!.. Я скажу имъ, этимъ несчастнымъ бездѣлникамъ: смотрите! Жизнь идетъ и оставляетъ васъ сзади себя!.. Жизнь сурово взыщетъ съ васъ, повѣрьте: разразится буря, и она смететъ и смоетъ васъ съ земли, какъ дождь и вѣтеръ пыль съ дерева!..»

Таково же отношеніе къ суду и даже къ суду присяжныхъ, ярко выставленное въ сценѣ суда надъ Вѣрой въ повѣсти «Трое». «Вообще такъ называемое правосудіе, — разсуждаетъ тамъ нѣкій «человѣчекъ», — есть въ большинствѣ случаевъ легонькая комедія. Сытые люди упражняются въ исправленіи порочныхъ наклонностей въ голодныхъ людяхъ. Въ судѣ бываю часто, но не видалъ, чтобы голодные сытаго судили... если же сытые сытаго и судятъ, — это они его за жадность. Дескать — не все сразу хватай, намъ оставляй... Подлецы — самые строгіе судьи»... Къ книгѣ и печатному слову отношеніе какое-то двусмысленное. Крайняя пошлость мелкаго чиновничества изображена въ разсказѣ «Скуки ради» и въ лицѣ супруговъ Автономовыхъ («Трое»). Вообще изъ интеллигентныхъ типовъ у Горькаго положительныхъ весьма немного. — Въ крестьянахъ онъ выставляетъ на видъ дикое невѣжество и лютое звѣрство (въ разсказѣ «Выводъ»), грубое насиліе («На плотахъ»), жадность, эгоизмъ, хитрость, лѣность и глупость (парень Гаврилка въ разсказѣ «Челкашъ», «Кирилка», «Мальва», «Ярмарка въ Голтвѣ» и «Дѣдъ Архипъ и Ленъка»). — Съ крайнимъ нерасположеніемъ относится Горькій къ любимцамъ православнаго народа — странникамъ по святымъ мѣстамъ, «этой худшей, по его словамъ («Проходимецъ»), разновидности «бродячей Руси», — худшей по своимъ моральнымъ качествамъ и вслѣдствіе лжи и суевѣрій, которыми люди этого типа заражаютъ духовно-голодную, всегда алчущую деревню». «Это не люди, а такъ скорлупа одна, — съ обычнымъ своимъ цинизмомъ говорить о нихъ и Яковъ Маякинъ, — и ни на что они не годны... Это въ родѣ какъ клопы, блохи и другая нечисть»...

Но въ особенно непривлекательномъ видѣ изображаетъ Горькій купечество и мѣщанство: для нихъ не щадитъ и буквально не находитъ достаточно темныхъ красокъ. Для нихъ у него уже нѣтъ исключеній (развѣ только, да и то лишь отчасти, купецъ Маркъ Чемерицынъ въ очеркахъ «Мужикъ»): всѣ безусловно представители этихъ сословій у него негодяи, для характеристики которыхъ недостаточно ни тѣхъ укорительныхъ словъ, съ которыми въ «Ревизорѣ» обращается городничій къ купцамъ, ни той характеристики, какую дѣлаетъ губернскимъ чиновникамъ Собакевичъ. Даже на судѣ присяжные-купцы, люди уже пожилые, не могутъ смотрѣть на судимую проститутку иначе, какъ жаднымъ циничнымъ и грязнымъ взглядомъ. Яковъ Маякинъ, Игнатъ Гордѣевъ, Ананій Щуровъ и та компанія первостепенныхъ купцовъ, которую обличаетъ на пароходѣ Оома Гордѣевъ, Петруха Филимоновъ, Полуэктовъ и мучитель Хрѣновъ, Пчелинъ и Сабанѣевъ, Петунниковъ, мельникъ Тихонъ Павловичъ, мѣщанинъ Безсѣменовъ и всѣ остальные, выводимые у Горькаго, представители этихъ сословій—негодяи, воры, грабители, лицемеры, истязатели, убійцы, разбойники и т. п. При этомъ большая часть изъ нихъ наружно благочестивы и набожны и всѣ имѣютъ видъ вполне почтенныхъ людей и пользуются уваженіемъ и почетомъ. «Преподобная лиса,—говорить о грабителѣ и злодѣѣ Щуровѣ Маякинъ,—возведетъ очи въ небеса, а лапу тебѣ за пазуху запуститъ да кошель-то и вытащитъ». Нѣкоторые же изъ нихъ доходятъ до такого цинизма, что и грѣшниками себя не считаютъ и каются, хотя бы и наружно, не считаютъ нужнымъ. «Судъ прежнимъ людямъ,—разсуждаетъ Щуровъ, причисляя, конечно и себя къ этимъ людямъ,—отъ Господа будетъ по силамъ ихъ... Тѣла ихъ будутъ взвѣшены, и измѣрять ангелы кровь ихъ, и увидать ангелы Божіи, что не превыситъ грѣхъ тяжестью своею вѣса крови и тѣла... понимаешь?.. Волка не осудить Господь, если волкъ овцу пожретъ... но если крыса мерзкая повинна въ овцѣ—

крысу осудить Онъ». А затѣмъ, предложивъ Оомѣ совершенно разбойническія, ростовщическія условія займа, Щуровъ сейчасъ же, проводивъ Оому, запѣваетъ: «Милосердія двери»... А «окаянный фармазонъ» и самый лютый грѣшникъ на землѣ, по выраженію Щурова,—первоклассный виртуозъ по части всяческихъ мошенничествъ Яковъ Маякинъ, оканчивая свою долгую архимошенническую жизнь, за нѣсколько часовъ до смерти говоритъ дочери и зятю:

«— Ну, ребята,—живите богато! Позвъ Яковъ всякихъ злаковъ, значить, Якову пора долой со двора... Видите—умираю, а не унываю... И это мнѣ Господь зачтетъ... Я Его, Всеблагого, только шутками беспокоилъ, а стонами и жалобами никогда. Охъ!.. Господи! Радъ я, что умѣючи пожилъ... по милости Твоей! Прощайте, дѣтушки!.. Живите дружно... и не мудрствуйте очень-то. Знайте—не тотъ святъ, кто отъ грѣха прячется да спокойненько лежить... Трусостью отъ грѣха не оборонишься... про это и говорить притча о талантахъ... А кто хочетъ отъ жизни толку добиться—тотъ грѣха не боится... Ошибку Господь ему простить... Господь назначилъ человѣка на устройство жизни, а ума ему не такъ ужъ много далъ... значить, строго искать недоимокъ не станеть... Ибо святъ Онъ и многомилостивъ»...

Если же у купцовъ есть ученые дѣти, то они выходятъ еще хуже отцовъ, такъ какъ свое образованіе употребляютъ исключительно на мошенничество же, и вдобавокъ свободны и отъ тѣхъ остатковъ стыда предъ Богомъ и людьми, которые еще проявляются иногда у ихъ отцовъ. Таковы, напр.: сынъ купца Петунникова («Бывшіе люди»), Тарасъ Маякинъ и Африканъ Смолинъ. — Отзывъ же о либеральныхъ купцахъ рѣзокъ почти до неприличія.

Духовенство представлено у Горькаго лишь мимоходомъ, — въ лицѣ немногихъ завѣдомо недостойныхъ его представителей.

Напротивъ, среди босяковъ Горькій находитъ мало от-

рицательныхъ типовъ, да и изъ нихъ нѣкоторые и притомъ наиболѣе полно изображенные, напр., бродяга Промтовъ («Проходимецъ»), грузинскій князь Шакро Птадзе («Мой спутникъ»), а также «студентъ» («Въ степи») — люди, если не по образованію, то, по крайней мѣрѣ, по происхожденію, полукультурные. Изъ совершенно же неинтеллигентныхъ изъ такихъ типовъ можно указать на солдата (въ разсказѣ «Двадцать шесть и одна»), арестанта Зазубрину (въ разсказѣ того же названія) и немногихъ другихъ.

Итакъ, положительные типы, «человѣка» Горькій находитъ лишь среди неинтеллигентныхъ босяковъ, бродягъ и падшихъ женщинъ. «Давно пора, — говоритъ онъ, — считать этихъ людей за классъ, — они вполне достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые». Онъ называетъ босяковъ «почтеннымъ, но не чтимымъ сословіемъ»; доказываетъ Коновалову, что они — «жертвы жизни, среды и условій». То же на разные голоса проповѣдуютъ и герои Горькаго: «А что такое падшіе люди? Прежде всего — люди, та же самая кость, кровь, то же мясо и тѣ же нервы, какъ и у насъ...» («Болесь»). «Мнѣ все равно! Я и жуликовъ уважаю, — говоритъ Лука, — по моему, ни одна блоха не плоха: всѣ черненькія, всѣ прыгаютъ... такъ-то... Всякаго человѣка уважать надо... — Вѣдь это съ первоначалу только кажется, что люди разные; а посмотришь — всѣ люди какъ люди... Что же это за люди?

Свящ. Н. Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).